

Оглавление

Глава 1	3
Глава 2	10
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	54
Глава 7	65
Глава 8	71
Глава 9	82
Глава 10	95
Глава 11	107
Глава 12	121
Глава 13	132
Глава 14	144
Глава 15	153
Глава 16	166
Глава 17	169
Глава 18	181
Глава 19	190
Глава 20	200
Глава 21	213
Глава 22	222
Глава 23	230
Глава 24	242
Глава 25	248
Глава 26	257
Глава 27	264
Глава 28	273
Глава 29	279
Глава 30	286
Глава 31	295
Глава 32	305
Глава 33	310

Глава 1

Британское посольство, Константинополь

Письмо было измятым и грязным, что неудивительно, если учесть, как долго оно шло до адресата. Рамзи долго не хотел вскрывать печать, предполагая, что могло в нем содержаться, и не ошибся в своих догадках. Оно было кратким:

«Кай, перестань валять дурака и возвращайся домой. Твой дед при смерти, и, возможно, уже будет пить эль в Валгалле* к тому времени, когда ты получишь это письмо.

Ты знаешь цену своей любви к дальним странствиям. Пришло время платить по счетам.

Сигни Матисон
Скеллиг-хаус, Торси, Шотландия».

Как он и предполагал, письмо было от Сигни. Только островитяне, которых он знал с детства, называли его Каем. Сигни была на островах помощницей деда Рамзи и к тому же школьной учительницей. Рамзи улыбнулся, вспомнив девчонку с костлявыми коленками и острым как нож язычком, которым она, пожалуй, была способна освеживать кита, если была не в духе. Сигни прихо-

* В а л г а л л а (от др.-сканд. Valhöll — чертог убитых) — в германо-скандинавской мифологии небесный дворец бога Одина, жилище павших в бою отважных воинов. — *Примеч. ред.*

дилась младшей сестрой Гизеле, первой и единственной любви Рамзи.

Улыбка сошла с его лица. Положив письмо на стол, он подошел к окну и устремил взор на купола и минареты Константинополя, которые возвышались за оградой, окружавшей территорию британского посольства. Рамзи провел здесь пять лет. Это была самая долгая остановка за годы его скитаний.

Официальная должность заместителя секретаря по специальным проектам предполагала довольно расплывчатые обязанности, за которыми Рамзи мог скрывать сомнительные виды деятельности. Он мог бы провести здесь всю жизнь, изучая историю Константинополя, но так и не прикоснуться к чудесам этого города и тайнам этой земли. Трудно было представить себе место более непохожее на далекие северные острова, где он родился, и Рамзи всегда знал, что рано или поздно уедет отсюда. Если бы Гизела не умерла внезапно от лихорадки, он всю жизнь прожил бы на Торси. Он в то время как раз заканчивал учебу в Эдинбургском университете. Боль от утраты была невыносимой, и он не смог вернуться на острова.

Его дед, этот коварный старый змей, знал, как тяжело воспримет внук весть о смерти любимой, и в письме сообщил, что разрешает ему отправиться в дальние странствия, пока сам он, шотландский лэрд, не умрет или не окажется на смертном одре. И вот тогда Рамзи предстояло вернуться домой и приступить к обязанностям лэрда Торси.

Рамзи ухватился за мысль о дальних странствиях, потому что не мог представить себе, как он вернется на Торси, где больше нет Гизелы. Кроме того, он давно мечтал объездить весь мир, чтобы увидеть древние памятники, и его мечты сбылись. Он странствовал двенад-

цать лет, наслаждаясь свободой, и частенько выходил сухим из воды в, казалось бы, безнадежных ситуациях. Ему не раз грозила смерть, но как-то удавалось избежать ее.

Он вспомнил, как, попав в Португалии в плен, сидел в подвале вместе с четырьмя другими товарищами по несчастью, пил отвратительный бренди и ждал казни, которая должна была состояться на рассвете. Тогда они впятером благополучно избежали смерти и договорились встретиться снова после войны, если выживут. Теперь, когда Наполеона сослали на суровый скалистый остров в южной Атлантике, где он мог командовать только морскими птицами, их встреча, возможно, действительно состоится. Только вот кто из тех, с кем сидел в подвале, остался в живых, Рамзи не знал. Все они привыкли рисковать жизнью и постоянно подвергали себя опасности.

По пути домой, проезжая через Лондон, Рамзи сможет проверить свою почту в книжном магазине Хатчерза, который они выбрали в качестве пункта для обмена письмами.

Отмахнувшись от воспоминаний, Рамзи заставил себя сосредоточиться на практических вопросах. Ему не хотелось возвращаться на острова, но все равно придется, так что мысленно он был готов к этому. Пришло время отправиться в длительное путешествие по Средиземному морю, обогнуть Пиренейский полуостров, затем пройти через Ла-Манш и Северное море, чтобы наконец добраться до Торси.

К северу от Шотландии, неподалеку от Норвегии, ближе к Осло, чем к Лондону, расположено три островные группы. С северного побережья Шотландии можно увидеть очертания Оркнейских островов, за ними находится островная группа Торси, а дальше на север простираются Шетландские острова. Все три архипелага

долгое время населяли суровые упрямые люди, островитяне, родным языком которых был скандинавский диалект норн. На протяжении многих веков на островах селились также кельты, говорившие по-гэльски, и небольшая часть жителей говорила по-английски. Неудивительно, что соплеменники Рамзи хорошо владели языками.

Он подошел к висевшей на стене картине с изображением египетских пирамид на фоне пылающего закатного неба. Картина крепилась слева на петлях, и он повернул ее изображением к стене. На обратной стороне было зеркало, но Рамзи прятал его от взоров посторонних, чтобы избежать обвинений в тщеславии.

Зеркало нужно было ему не для того, чтобы любоваться собой, а совсем для других целей. Обычно он облачался перед ним в одежду местных жителей, чтобы передвигаться по многолюдному городу, слившись с толпой и не опасаясь, что в нем узнают иностранца.

Встав перед зеркалом, Рамзи внимательно оглядел свое загорелое обветренное лицо. Годы, проведенные под южным солнцем, наложили отпечаток на его внешность: он стал похож на коренного жителя Константинополя, — к тому же красил волосы в темно-каштановый цвет, чтобы не выделяться среди южан. Он надеялся, что к тому времени, когда он доберется до Британских островов, отрастут его натуральные волосы, гораздо светлее этих.

Рамзи оглядел свой кабинет. Здесь полно было сувениров, напоминавших о дальних странствиях, и все это предстояло тщательно упаковать перед отъездом домой.

Он привез из Италии зеркало в богато украшенной серебряной раме. Гизеле оно бы понравилось. Если бы любимая была жива, его жизнь сложилась бы совершенно иначе, но теперь он едва помнил ее лицо.

Это была милая, забавная и очень хорошенькая девушка. По возвращении из Эдинбурга Рамзи женился бы на ней, и у них, скорее всего, уже были бы дети. И тогда он не увидел бы, как солнце садится за пирамиды, но, с другой стороны, и не познал бы горечь утраты. Была бы его жизнь лучше или хуже, если бы Гизела не умерла, Рамзи не представлял, но одно мог сказать с уверенностью: она была бы совершенно другой.

С каменным лицом он вышел из кабинета и спустился на этаж ниже, чтобы встретиться с посланцем. У него не было причин откладывать подачу заявления об отставке. Как только он сделает это, период его жизни здесь закончится.

Рамзи думал, что придется записываться на прием, но секретарша сообщила ему:

— Сэр Роберт свободен, так что вы можете пройти к нему прямо сейчас.

Никаких отсрочек! Рамзи постучал в дверь и вошел в кабинет. Сидевший за письменным столом сэр Роберт Листон поднял на него глаза. Шотландец по происхождению, он изучал языки в Эдинбургском университете, который годы спустя окончил и Рамзи. Это обстоятельство он использовал, чтобы убедить посла назначить его на довольно необычную должность в составе британской дипломатической миссии.

Сэр Роберт, нахмурившись, откинулся на спинку стула, догадавшись по выражению лица Рамзи, что произошло что-то из ряда вон выходящее.

— Что стряслось? Настал черный день?

Сэр Роберт, казалось, видел всех насквозь: не ошибся и на сей раз.

— Я получил письмо из дома: мне нужно срочно вернуться на Торси, — ответил Рамзи.

Посол помрачнел:

— А вы не думали отказаться от предложения вернуться домой? Конечно, кто-то на вашем месте ухватился бы за шанс стать следующим лэрдом, но мне не на кого возложить те обязанности, которые выполняете вы: никто не обладает такими навыками.

— Вы имеете в виду мою изворотливость и умение контактировать с отпетыми мошенниками, сэр? — сухо произнес Рамзи.

Сэр Роберт улыбнулся:

— Именно так. Большинство молодых джентльменов, что поступают на службу в британский дипломатический корпус, слишком консервативны. Они хороши во многих сферах, но только не в той, где достигли блестящих результатов вы.

Рамзи задумался над предложением посла. Если бы отказался вернуться на родину, его земляки нашли бы другого лэрда, а он мог бы продолжать свои скитания по миру, наслаждаясь свободой, и в конце концов, вполне возможно, закончил дни свои в каком-нибудь богом забытом уголке планеты.

Нет, он обещал вернуться на острова и приступить к своим обязанностям, причем повторил это дважды. Первую клятву Рамзи дал деду, а вторую — семь лет назад в сыром подвале в Португалии, где они с товарищами по плену провели долгую ночь. Они пили отвратительный бренди и говорили о том, что будут делать, если каким-то чудом выживут.

Все они клялись, что станут лучше и искупят прошлые грехи. Рамзи мысленно повторял клятву вернуться на Торси, когда придет время. Да, он больше не увидит новых земель, не сделает удивительных открытий, но было уже собрано множество интересных сведений, так что остаток жизни можно посвятить написанию научных статей о том, что наблюдал за годы странствий.

Мысль вернуться на родину не вызывала у него восторга, но, по крайней мере, он знал, что его совесть будет чиста.

— Я должен сдержать данное слово, сэра Роберт, — заявил он твердо. — Иначе поступить не могу.

Посол с сожалением кивнул:

— С благородными людьми трудно иметь дело именно потому, что они благородны. Когда вы отправляетесь в путь?

— Как можно скорее. Письмо, которое я получил, было написано, когда мой дед был еще жив. Возможно, я еще застану его...

Рамзи хотелось попрощаться с дедом. Они со старым лэрдом жили как кошка с собакой, но за внешним недовольством друг другом скрывалась настоящая привязанность.

— Вы, островитяне, суровый народ. Надеюсь, дед дождетя вашего приезда, чтобы в последний раз как следует отчитать, — сказал сэра Роберт, потом, открыв нижний ящик стола, достал бутылку хорошего шотландского виски и два бокала. — Выпьем за здоровье старого лэрда! И спасибо вам за все те гнусные, но полезные дела, которыми вы занимались здесь во славу Британии. — Он налил виски в бокалы, протянул один Рамзи, а свой поднял и провозгласил тост по-гэльски: — За старые добрые времена!

— За старые добрые времена! — повторил Рамзи и выпил обжигающее виски одним глотком. — Хогманай* я буду праздновать уже в Шотландии.

— Я вам завидую. — Посол наклонился вперед и плеснул Рамзи еще виски. — Поднимите бокал за меня за праздничным столом!

* Хогманай — шотландский праздник последнего дня года. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Обязательно! — пообещал тот.

Ему было очень-очень грустно. Он знал, что будет скучать по этим краям!

Глава 2

Возвращению Рамзи домой благоприятствовал попутный ветер. По мере того как корабль продвигался на север, небо становилось все темнее, а ветер — холоднее, и к тому времени, как он добрался до Лондона, жизнь в обожженном солнцем Константинополе превратилась в далекое воспоминание.

Рамзи провел несколько дней в столице, где занимался делами, остановившись в особняке, который принадлежал лэрду Торси. Брауны, супружеская пара, которая содержала особняк, не получали никаких известий о том, что старый лэрд умер, так что, возможно, дед еще жив.

Торси-хаус служил пристанищем для путешествующих островитян в столице. Рамзи узнал, что здесь укрывалась его любимая кузина Кенди Дуглас после ужасного скандала. В детстве она была веселой шаловливой девчонкой, которую он вместе с Сигни Матисон и другими детьми учил основам фехтования.

Рамзи зашел в книжную лавку Хатчерза и нашел там целую кипу писем от товарищей по несчастью, сидевших с ним в португальском подвале. Поразительно, но все они благополучно пережили войны, и пока Рамзи был в Лондоне, ему удалось пообедать с одним из них, Хокинсом, и его бесстрашной женой леди Рори. На следующий день Рамзи снова сел на корабль и сначала прибыл в Эдинбург, а затем — наконец-то — на небольшом торговом судне добрался до главного, самого крупного острова Торси, Мейнленда.

Большую часть последнего отрезка своего долгого путешествия Рамзи провел на носу судна не в силах справиться с переживаниями: он возвращался домой после двенадцати лет странствий.

Серебристые волны северных морей и разбросанные по ним суровые острова, казалось, навсегда запечатлелись в его душе, несмотря на нежелание возвращаться. Когда судно наконец пришвартовалось к пирсу, Рамзи сошел на берег, оставив матросов разгружать багаж. Личных вещей у него было не много, но среди них находились дорогие ему древние артефакты, найденные в дальних странах. Сгорая от нетерпения, Рамзи поднялся на холм к Скеллиг-хаусу, родовому гнезду своей семьи.

Это было низкое длинное каменное строение, спроектированное таким образом, чтобы противостоять самым свирепым ветрам с Северного моря. Вдалеке возвышался один из каменных монолитов, возведенных в древности жителями этих островов. Казалось, за прошедшие двенадцать лет ничего не изменилось.

Рамзи ускорил шаг. Жив ли еще дед? Эта мысль не давала ему покоя.

Когда Рамзи подошел ближе к дому, дверь внезапно распахнулась, и кто-то вышел на крыльцо. Рамзи внимательно взгляделся в высокую фигуру. Это была женщина в сером платье, которое развевал ветер, и огненно-рыжими, словно боевое знамя, волосами.

Она откинула с лица растрепавшиеся пряди и голосом, холодным, как арктический шторм, сказала по-норнски:

— Долго же ты добирался, Кай!

Рамзи остановился как вкопанный и уставился на нее. За те годы, что его не было на родине, маленькая худая Сигни Матисон превратилась в настоящую нордическую богиню!

Он хорошо знал младшую сестру своей возлюбленной в детстве. Это была очаровательная маленькая девочка, у которой энергия была через край, любопытная и обладавшая острым язычком. Он догадался, что она пребывает в мрачном расположении духа из-за состояния старого лэрда. После смерти Гизелы старик взял Сигни к себе в Скеллиг-хаус и был ей как отец. В письмах к внуку дед часто упоминал о ней. Судя по всему, Сигни ужасала мысль, что она потеряет старика, как когда-то потеряла всех своих родных.

— Рад тебя видеть, Сигни Матисон, — сказал Рамзи по-английски. — Лэрд еще жив?

Сигни прищурилась:

— Да, еще жив, хотя еле дышит. Тебе повезло: вовремя приехал. Старик надеялся, что его ненадежный внук успеет вернуться, чтобы в последний раз отчитать.

Сигни отвечала по-норнски и, судя по настороженному блеску в глазах, хотела проверить, не забыл ли он еще язык. Рамзи много лет не говорил на нем, и ему потребовалось некоторое время, чтобы понять смысл ее слов, но у него всегда были способности к языкам.

Рамзи немного приободрился и сказал на норнском:

— Рад слышать, что дедушка все еще с нами. Могу я его увидеть?

— Думаю, он уже проснулся. Но учти, твой дед очень слаб: долго не протянет.

— Тогда не будем терять время.

Рамзи повернулся к лестнице, ведущей в комнаты деду, но Сигни жестом остановила его и сообщила:

— Мы постелили лэрду в библиотеке.

Другими словами, его дед уже не мог подниматься по лестнице, к тому же ухаживать за ним было проще на первом этаже дома.

— Библиотека всегда была его любимой комнатой, — сказал Рамзи.

— Куда мне отнести твои вещи? — спросила Сигни ровным тоном.

Рамзи понял, что она спрашивает, не хочет ли он занять комнаты лэрда наверху. Нет, только не при жизни деда... а возможно, вообще никогда.

— Если моя старая комната свободна, я бы с удовольствием поселился там, ну а если нет, то подойдет любая.

— В таком случае ты можешь занять свою старую комнату. Она пустовала с тех пор, как ты уехал.

Рамзи с мрачным выражением лица коротко кивнул и вошел в дом.

Библиотека была просторной и располагалась в торце дома, поэтому окна выходили на две стороны. До потолка высились книжные шкафы. Объем и качество собрания книг в библиотеке всегда вызывали восхищение у посетителей и были предметом гордости лэрдоров Торси.

Рамзи сразу заметил, что длинный дубовый письменный стол исчез из помещения, а вместо него поставили кровать и новый прикроватный столик, где лежали лекарства и книги, а также рядом с лампой восседал огромный одноглазый серый кот с рваными ушами. Кот сразу приподнял голову и уставился на Рамзи, которого передернуло от запаха лекарств, пота и затхлости в комнате больного. В свои лучшие годы Дункан Рамзи был высоким мужчиной мощного телосложения, и теперь вид его костлявой, болезненно тощей фигуры, вырисовывавшейся под одеялом на массивной кровати, шокировал внука.

На какой-то ужасный миг Рамзи испугался, что старый лэрд уже умер, но тут его дед повернул голову, от-

крыл бледно-голубые глаза и произнес сдавленным шепотом:

— Значит, ты все же вернулся домой, Кай. Так осунулся, что стал похож на больного дельфина.

— Это из-за долгого путешествия. Я прибыл сюда из Константинополя, а во время плавания из Данди один шквал следовал за другим, — сказал, улыбнувшись, Рамзи, пододвинул стул к кровати и сел так, чтобы видеть лицо деда. — Я рад, что ты все еще с нами. Было бы жаль проделать столь долгий путь и не услышать в знак благодарности ни одного оскорбления.

Лэрд рассмеялся, но тут же сильно закашлялся. По-видимому, у него были проблемы с легкими. Рамзи замер, раздумывая, не позвать ли кого-нибудь на помощь, но вскоре приступ кашля прекратился, и дед произнес хриплым голосом:

— Налей мне немного виски.

— А тебе можно?

— Какого черта я должен отказываться от выпивки? Из-за опасений, что это меня убьет?

— С этим трудно поспорить.

Рамзи протянул руку к столу, чтобы взять бутылку виски, и серый кот раздраженно цапнул его и зашипел. Дед всегда любил кошек.

— Как зовут твоего одноглазого друга?

— Один, конечно: одноглазый верховный бог скандинавов. — Лэрд протянул исхудавшую руку, почесал коту шею, и в ответ послышалось громкое мурлыканье. — Мой Один хоть и не бог, но главный среди кошек во всей округе.

— Он тоже пьет виски?

— Только если добавить в него сливки.

— Рад, что Скеллиг-хаус поддерживает репутацию места с необычной атмосферой, — заявил Рамзи и, вос-

пользовавшись моментом, взял со стола бутылку виски, пару бокалов и наполнил на два пальца.

Лэрд взял свой стакан дрожащей рукой, но не расплескал ни капли и выпил половину одним большим глотком.

— Честно говоря, не думал, что ты вернешься. Мне казалось, ты выберешь Константинополь с его руинами.

Рамзи испытывал смешанные чувства — раздражение, веселье и облегчение, — оттого что старик оставался самим собой, несмотря на слабеющее тело.

— Когда это я нарушал свое слово?

— Никогда, но признайся: у тебя было такое искушение.

— Минута слабости длилась очень недолго, — признался Рамзи.

Он осторожно пригубил свой стакан: некоторые виды местных спиртных напитков разъедали железо, и рисковать здоровьем не хотелось, — но это был «Келлан», лучшее виски на островах, с мягким вкусом, хорошей выдержки, с ароматом торсианского дыма и торфа. Рамзи сделал большой глоток и пошутил:

— Я знал, что бабушка будет являться ко мне во сне, если не вернусь, как обещал.

— Да, она не отстала бы от тебя, — фыркнув, согласился Дункан. — Кейтлин уже заждалась меня на том свете: и так слишком здесь задержался.

Рамзи задумчиво улыбнулся, глядя на фотографию. После смерти родителей его воспитывали бабушка и дед. Бабушка Кейтлин была настоящей островитянкой — сильной, красивой и невероятно независимой.

— Ты прав, и я уверен, что тебе тоже не терпится ее увидеть.

Дед издал хриплый звук, который не означал ни согласия, ни возражения.

— Я привез тебе подарок, — решив, что пришло время сменить тему, сказал Рамзи и, вытащив из внутреннего кармана сюртука старинную золотую монету, вложил ее в узловатую руку деда.

Она блеснула в слабом солнечном свете, и Дункан, прищурившись, спросил:

— Греческая или римская?

— Нет, эта монета более древняя. Она принадлежит цивилизации, о которой мы мало что знаем. Такие были в ходу в восточном Средиземноморье у ханаанцев, или финикийцев, как их называли греки.

— Они упоминаются в Библии.

— Да, хотя никто точно не знает, что это был за народ. Они были великими мореплавателями. Их торговые пути пролегали по всему Средиземноморью и далеко за его пределами. Если присмотришься повнимательнее, то увидишь на одной стороне монеты изображение корабля с вооруженными воинами и какое-то морское чудовище.

— Ага, — заинтересовался Дункан. — Как у наших предков викингов.

— Верно. И, подобно викингам, они основывали города и поселения, которые стали торговыми портами.

— Это называется «талассократия», — сказал дед и, заметив удивление на лице внука, хрипло рассмеялся. — Не ожидал, что я вспомню античную историю? Талассократы захватывали обычно побережье и не стремились завоевать внутренние земли.

Он перевернул монету и, прищурившись, посмотрел на рельефную фигуру, изображенную на обратной стороне.

— Кто этот кудрявый парень?

— Понятия не имею, — рассмеялся Рамзи. — Предположительно — какой-то правитель, но чтобы устано-